

УДК 101:1:316.614

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-45-57

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: МЕХАНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИЛИ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ?

Кириллов Г.М.*Пензенский государственный университет**440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, Российская Федерация*

Аннотация. Цель статьи – обозначить роль диалога в преодолении межкультурных противоречий, вызванных процессом глобализации. Автор рассматривает пути и методы решения глобальных проблем мыслителями разных направлений и предлагает собственную интерпретацию данной проблемы. В работе используются общенаучные методы исследования: диалектический, конкретно-исторический, феноменологический, системный и др. Задействован метод моделирования изучаемых процессов глобализации путём описания, сравнения, сопоставления. Результаты проведённого исследования заключаются в следующем: автором предпринята попытка ответить на некоторые вопросы, возникающие в ситуации всё возрастающей неопределённости идентичности. Предполагается, что в разрешении глобальных проблем, связанных с конфронтацией разных культур, диалог является самым эффективным способом нахождения путей взаимодействия между ними. Результаты исследования позволяют определить несколько базовых подходов к проблеме, связанной с пониманием глобализации: является ли она механическим процессом или осознанным межкультурным диалогом.

Ключевые слова: глобализация, самость, значимый Другой, “реляционная схема”, диссоциативное расстройство, межкультурный диалог, полиэтничность.

GLOBALIZATION: A MECHANICAL PROCESS OR INTERCULTURAL DIALOGUE?

G. Kirillov*Penza State University**40, Krasnaya st., Penza, 440026, Russian Federation*

Abstract. The purpose of this article is to identify the role of a dialogue in overcoming intercultural contradictions caused by the process of globalization. The author considers the ways and methods of solving global problems by different thinkers and offers his own interpretation of this problem. The study is based on general scientific methods of research: dialectical, concrete-historical, phenomenological and systemic. Besides that the method of modeling the studied processes of globalization by means of description, comparison and association is used. The results of the study are as follows: we have attempted to answer some questions that arise in the situation of increasing uncertainty of identity. We believe that in the process of solving global problems related to the confrontation of different cultures, dialogue is the most

effective approach to find ways of interaction between them. The results of the research allow us to define several basic approaches to the problem associated with the understanding of globalization: whether it is a mechanical process or a conscious intercultural dialogue.

Key words: globalization, self, significant Other, “the relational schema”, dissociative disorder, intercultural dialogue and multi-ethnicity.

Термин “глобализация” с одной стороны, обозначает, тотальный процесс стирания пределов и границ со всё более возрастающим влиянием наднациональных и надгосударственных структур, с другой стороны, разрушая традиционные ограничения и сдержки, позволяет высвободить энергию индивидов для реализации их творческих возможностей. Размывая традиционные связи и отношения, этот процесс способен всецело подчинить себе волю и инициативу индивидов. В статье поднимается актуальный вопрос о применимости термина “диалог” к феномену “глобализация”. Понятие “глобализация” помогает проследить изменения, происходящие в мире во второй половине XX – начале XXI вв. В этот период значение отдельных стран уменьшилось, понизилась роль некоторых народов и местного законодательства, утвердились новые законы и процессы мирового масштаба. Глобализация – сложный и амбивалентный феномен, затрагивающий ныне все сферы жизни человека. Он может рассматриваться как свидетельство небывалой мощи человечества, поскольку, преодолевая все границы и препятствия, открывает невероятные возможности для сближения и взаимопонимания между представителями разных стран и народов, в то же время отдельный человек всё в большей степени ощущает свою беспомощность перед лавинообразными и неуправляемыми процессами, всё боль-

ше проявляется кризис идентичности, выражающийся в таком явлении, как «расколотое “Я”» («диссоциативное расстройство личности»), сопутствующее глобализации [7, с. 3; 9]. Окружение человека расширяется, однако характер связей становится всё более опосредованным, фрагментарным и случайным. Процесс глобализации оказал влияние на внутреннюю политику, экономику стран и традиционные культуры. Ещё более очевидной стала взаимосвязь между глобализацией и культурой. Нельзя не отметить, что благодаря новейшим технологиям коммуникации безгранично расширяется диалоговое пространство культур, в то же время выхолащивается сам характер общения, осуществляющийся по канонам и стереотипам, оторванным от своеобразия и традиций той или иной культуры. Чтобы преодолеть существующие коллизии, необходим диалог.

Перед автором исследования стоят следующие задачи: выявить риски, которые несёт с собой процесс глобализации, и возможности диалога как стабилизирующего фактора, способствующего преодолению вызовов, сопровождающих расширение “самости”; проследить, как меняется “самость” и её идентичность в контексте глобализирующих и локализирующих тенденций; рассмотреть процесс аккультурации в свете концепта “путешествие”, предложенного Г. Хермансом; обозначить принцип “обра-

тимости” в качестве методологической основы для преодоления противоречий между позициями “Я” и Другой.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что диалогический подход к проблемам глобализации будет благоприятствовать выработке принципов, релевантных современным культурным процессам, способствующим расширению духовных связей и контактов между представителями разных этносов. Межкультурный диалог является формой коммуникации, обладающей мощным потенциалом, позволяющим преодолеть разломы, вызванные ростом глобализационных процессов.

Научная новизна настоящего исследования заключается в следующем: выявлено влияние на межкультурный диалог концепции полифонической самости, предложенной Г. Хермансом [19], а также заявлено новое понимание процесса аккультурации в свете данной концепции. Показано, что полифоническая самость позволяет раскрыть особенности глобализации, разрушающей границы между внешним и внутренним. Предложен особый подход к пониманию множественных, “пишущихся через дефис” и гибридизированных этнических сообществ. По-новому рассмотрен феномен “неопределённости”, влияющий на самоидентификацию личности. Кроме того, к исследованию проблемы применён принцип обратимости, разработанный французским мыслителем М. Мерло-Понти [11], позволяющий по-новому представить себе взаимоотношения между инновационными и автоматизированными аспектами диалога. Новизна исследования заключается также в выявлении специ-

фики и механизма реагирования национального самосознания на вызовы глобализации и адаптации к её условиям. Введено понятие “**медиационный диалог**”, которое не использовалось другими исследователями.

Чем чаще понятие “диалог” упоминается в нашей речи, тем в меньшей степени оно отражает истинный характер взаимоотношений между людьми. Известно, что диалог – это развёрнутое, осознанное, доказательное рассуждение, предполагающее общение разумно мыслящих людей, целью которых является поиск неизвестной им истины. Без поиска истины диалог не имеет смысла. Диалог должен быть равноправным и всегда приводить к взаимовыгодным решениям. Диалогические отношения – это не только взаимодействие между людьми, но и отношения между культурами, любая из которых должна иметь шанс сохранить свою уникальность и самобытность. Как отмечает Б. Девис, чтобы вести философский диалог, необходимо «обратиться к самой природе диалога» [17, p. 171].

Рассматривая феномен диалога, мы обратились к концепции диалогической структуры “Я” Губерта Херманса, согласно которой полифонически понимаемая самость, представленная состоящей из множества “Я”-позиций, оказывается тесно связанной как с внутренними, так и внешними (“между”) диалогами. Самость обладает такими характеристиками, как диалогичность, контекстуальность, историческая и культурная детерминированность, она способна конструироваться в процессе диалогического общения на интра- и интерсубъективном уровнях, что, безусловно, может использоваться в

контексте межкультурного диалога. Самость – архетип, представляющий собой глубинный центр целостности отдельного индивида. Можно сказать, что самость – это модель той личности, которой индивиду предначертано стать с самого рождения. У “самости” имеются некоторые естественные свойства, которые существовали ещё до появления культуры. Человек может принимать на себя различные роли, занимать противоположные позиции, т. е. может происходить самоконфронтация внутри человеческой самости. Я превращается в Ты, а Ты – снова в Я. Происходит обратимость ролей, позиций, голосов. Этот процесс получил название полифонической самости (на основе концепции полифонии М.М. Бахтина). Осуществляется переход от воображаемого Другого к воплощённому Другому. Некоторые учёные считают, что под диалогом следует понимать гармоничное, идеальное и совершенное взаимоотношение, что диалогические отношения подразумевают симметрию, некий упорядоченный процесс, чередование вопросов и ответов, укладывающихся в определённую схему. Полагаем, что всеми этими чертами характеризуется скорее идеальная модель диалога. Реальный же диалог, помимо находящейся на поверхности, “надводной”, части, имеет глубинные физиологические основания, которые можно охарактеризовать как предписанные и автоматизированные. То, что реализуется в сознательной речи, может на подсознательном уровне быть зафиксированным как готовый сценарий.

Полагаем, что самость можно представить как динамичное образование. Её трансформации возможно отобра-

зить в виде двух моделей: модели отражения и социальной модели. Первая касается рефлексии “Я” о своём повседневном опыте на абстрактном уровне с критической оценкой происходящего. Размышляющая часть “Я” в этом случае осуществляет разговор с самой собой. Следует отметить, что такая модель скорее монологична, чем диалогична. В свою очередь, социальная модель имеет дву- или разнонаправленную диалогическую структуру. Внутренний диалог происходит между различными позициями внутри самости. Человек может принимать на себя роль “родителя”, “подчинённого”, “жертвы” и т. д., которая несёт ответственность за первую роль. Несмотря на существование как внутренних, так и внешних диалогических возможностей, имеются механические процессы, ограничивающие развитие диалогического потенциала. Такая тенденция сужает возможности для открытости диалога. Заслуживает внимания точка зрения Джеймса Марка Болдуина, американского философа и социолога, который пришёл к выводу, что на проявление самости оказывает влияние аудитория [3, с. 308]. В этом случае оценка “меня” значимым Другим оказывается более важной, чем оценка того, кто не пользуется авторитетом. Часто в роли значимых Других выступают родственники, друзья, руководители разного уровня, заслуживающие уважения. Образующаяся межличностная связь может быть названа “реляционной схемой”, представленной в терминах непреодолимых обстоятельств: “если – то”. Полагаем, что реляционные схемы могут быть очень сложными, с несколькими итерациями последовательностей. Чаще всего по-

добные схемы включают в себя подструктуры и организуют диалогическую деятельность по определённым линиям: вопросы – ответы, соглашения – разногласия. Такого рода диалог подчинён определённому сценарию, он не может свободно развиваться в произвольном направлении и способствовать межкультурному общению.

Представляет интерес исследование Уильяма Джемса, выделившего несколько слоёв “Я”, которое, подобно сознанию, одновременно непрерывно и разорвано (дискретно). Джемс пишет об определённой иерархии личностей и утверждает, что в одном человеке могут найти воплощение различные виды личностей: телесная, социальная и духовная. В связи с этим можно представить иерархическую шкалу «с физической (телесной) личностью внизу, духовной – наверху...» [6, с. 94]. Характерно, что особенности личности, присущие нам, кажутся нам “лучшими”, а пороки, которые мы наблюдаем у других, представляются гипертрофированными, отвратительными. В целом люди с известной долей эгоизма создают иерархию личностей по их достоинству. Причём материальным видам личности (в более широком смысле) отдаётся предпочтение перед телом. Опираясь на иерархию ценностей Джемса, можно прийти к заключению, что нужно в большей степени дорожить социальной составляющей при восприятии личности, т. к. она включает в себя подлинно человеческие отношения. Духовная личность должна быть “высшим сокровищем”, которое для “Я” является желанным. Хотя такой тип личности вряд ли достижим и на него нельзя рассчитывать в ближайшее время, к этому идеалу не-

обходимо стремиться. Только духовная личность способна на осознанный диалог с Другим, носителем иной культуры. Во многом социолог прав, но всё же нельзя сбрасывать со счётов телесную составляющую, благодаря которой осуществляется общение лицом к лицу, где играют роль взгляд, рукопожатие, поза и др. Взаимодействие с Другим предполагает смену различных позиций. Позиция “Я” может принимать интериоризированную позицию Другого, которое может воспринимать позицию “Ты”.

Нам близка позиция Херманса, трактующего диалогическое “Я” как динамическую множественность позиций, переплетающихся как между собой, так и с позициями других субъектов. Две основные характеристики определяют при этом диалогическую сущность: межсубъектный обмен и относительное доминирование [18]. Принцип интерсубъективного обмена предполагает, что некоторая позиция принимает участие в вопросах и ответах или выражении согласия и несогласия с другой таким образом, что одна часть “самости” может повлиять на другую или даже внести в неё изменения. Что касается принципа относительного доминирования, здесь одна позиция самости может временно или постоянно доминировать, преобладать над другой, при этом некоторые позиции могут подчиняться другим или блокироваться ими. Это означает, что указанные позиции самости не смогут далее оставаться активными партнёрами в диалоге. Динамическая множественность позиций, которые взаимодействуют и переплетаются между собой, может быть прослежена и в межкультурном диалоге. Важно,

чтобы все стороны были к такому диалогу готовы, это поможет преодолеть противоречия между государствами. Известно, что многие государства мира стремятся стать “страной единой нации”, т. е. проводить политику национализма, оказывая одностороннее воздействие и даже давление на всех, кто не приемлет культуры доминирующего типа. Сегодня в мире существует более 5500 национальностей, около 200 государств, и “страну единой нации” найти среди них невозможно. Почти все современные государства полиэтничны, однако уровень полиэтничности в разных странах неодинаков. Преимущественно моноэтническими государствами с почти однородным национальным составом являются Япония, Португалия, Дания, Исландия, Армения и некоторые другие, в них некоренное население составляет небольшой процент. В полиэтничном государстве неизбежно возникают конфликты между представителями этнического большинства и этнического меньшинства, объектом такого одностороннего воздействия могут быть в том числе и представители различных иммигрантских диаспор. История свидетельствует, что такой конфликт неизбежен, т. к. субъекты различных этносов имеют свои традиционный быт и культуру, что свидетельствует об их самобытности и уникальности, и стремятся их сохранить во что бы то ни стало. Поэтому представители полиэтничного общества независимо от того, относятся ли они к этническому большинству или меньшинству, должны иметь возможность изучать свой язык и свою культуру, иметь реальный и эффективный доступ к качественным службам об-

разования, одинаковые права и обязанности. На деле же при доминировании культуры большинства порой наблюдаются явления дискриминации и тирании по отношению к представителям национальных меньшинств. Британские философы и социологи Дж. Ст. Милль [13] и Г. Спенсер [16] в своих произведениях пишут о представителях меньшинства, которые испытывают притеснения со стороны большинства. Социологи пытаются обозначить принципы, которым должно следовать общество в отношениях к индивидам. Так, Милль полагал, что государство не имеет права вмешиваться в частную жизнь граждан, считая свободным лишь то общество, в котором все «виды индивидуальной свободы существуют ... одинаково для всех его членов» [13]. В свою очередь Спенсер писал о недопустимости того, чтобы управлять действиями граждан и «уменьшать области, в которых эти действия были свободны». Однако, несмотря на резонные предупреждения, не всем государствам удалось преодолеть эту проблему [16]. Доминирование большинства нередко порождает гнёт и деспотизм, поэтому принципу абсолютного большинства должны быть поставлены определённые границы. Что касается культуры численных меньшинств, здесь одной из важных проблем стала миграция населения, т. е. его “территориальное перемещение”. Целью перемещения может быть смена места жительства или ограниченное пребывание на территории другого государства для учёбы или трудоустройства. Не приходится сомневаться, что с развитием глобализации данные проблемы будут иметь тенденцию к разрастанию и углублению.

Как избежать негативных тенденций, наблюдающихся в глобализационных процессах? Традиционный универсалистский подход, влияющий на развитие и представление о мире индивидов различных культур, исчерпал себя. Проблема состоит в том, что универсализм, который обычно трактует “самость” и культуру как переменные величины, имеет в своей основе самоэкслюзивную концепцию культуры, исключаящую “самость”, и “самости”, исключаящей культуру. В этом проявился картезианский раскол между самостью и её окружением. В универсалистской модели аккультурации стратегия интеграции имеет линейную траекторию, ведущую к заранее установленной конечной цели, например, модель “плавильного котла”, используемая в США.

В настоящее время всё более ощутимым становится переход от универсалистского понимания феномена культуры как чего-то обособленного и ограниченного к децентрализованному его пониманию, которое выражает метафора “путешествие”, поскольку культурное взаимодействие и конструирование идентичностей происходят по преимуществу не в центре проживания народов, а в зонах их взаимодействия, где осуществляется контакт между представителями разных культур. Диаспоры, т. е. этносы-меньшинства, присутствуют ныне в любой культуре-“хозяйке”. Кроме того, необходим особый подход к пониманию множественных, “пишущихся через дефис” и гибридизированных этнических сообществ. Например, арабско-еврейского, азиатско-американского, японо-американского, арабо-французского, афро-британского и др. Асим-

метрия внутри таких групп является определённой помехой для взаимопонимания и равноправных отношений между народами, которые можно назвать диалогом. В действительности взаимодействие между индивидами – это поле напряжения, где личность находится в пространстве, расположенном “между” новыми возможностями и определёнными рисками. Процесс аккультурации следует рассматривать как по преимуществу межкультурный феномен, поскольку «аккультурация, как правило, происходит в контактной зоне между культурой страны-хозяйки и иной культурой» [18, р. 243].

Полагаем, что эта проблема требует сдвига фокуса внимания с крайних состояний, таких как “интеграция” и “дезинтеграция”, в направлении к процессуальному подходу в понимании аккультурации. Процессуальный подход способен объяснить ситуативные, конвенциональные, а также спорные траектории развития.

Попытаемся рассмотреть взаимосвязь между такими явлениями, как “глобализация” и “локализация”, уделяя особое внимание *неопределённости*, оказывающей влияние на молодёжные группы, на формирование семьи, на родительские отношения, на развитие партнёрства и другие формы взаимодействия. В настоящее время значительно возросло количество экономических, экологических, демографических, политических и социальных связей между культурами. Как никогда стало заметно сжатие пространства и времени. События, происходящие за пределами той или иной страны, имеют важные последствия для повседневной жизни её граждан. Индивид больше не находится в локальном пространстве.

Это порождает ситуацию неопределённости, которая предполагает адаптацию индивида как к своей, так и к глобализированной культуре. Поскольку одна часть индивида сориентирована на местную культуру, а другая – на глобальную, подобная “раздвоенность” приводит его к кризису идентичности. Особенно характерно такое состояние для подростков. Необходим некий “*гибрид*” идентичности: соединение или смесь местных особенностей с элементами глобальных. Однако чаще всего происходит “путаница идентичности”: когда наблюдается беспорядочное слияние “местной” культуры с западной. Негативные последствия этого процесса можно наблюдать в репертуаре эстрадных исполнителей. Растущая неопределённость является характерной чертой стран с развитой экономикой. Здесь феномен неопределённости становится одной из самых животрепещущих проблем.

Глобализация и локализация персонализированы на уровне самосознания и представлены как взаимосвязанные и динамические отношения между локальными и глобальными позициями. Глобализация не отличается единообразием, она испытывает влияние локализации в качестве контрсилы. Поэтому глобализацию нужно рассматривать не как однонаправленный и однородный процесс, а через её диалектическую связь с локализацией. Такое отношение предполагает, что глобализация оказывает большое влияние на организацию самости: её характер становится всё более неоднородным, поскольку на него влияют стремительные изменения окружающей среды, самость сталкивается с воздействием на неё самых неожиданных

“новых” позиций, происходит постоянное перемещение этих позиций. Такие отношения предполагают взаимопроникновение (*хиазму*) и создают *гибридные комбинации* локальных и глобальных элементов. В этом случае фактор неопределённости может стать бесценным даром в качестве новых возможностей на низком и среднем уровнях. Существует несколько способов преодолеть высокий уровень неопределённости. Один из них – диалогическая реакция, которая позволяет справиться с глобализацией, не избегая её, а внедряясь в неё для того, чтобы некоторые позиции повлияли друг на друга или претерпели определённые изменения [19].

Следует отметить, что глобализация воспринимается как угроза, когда она повышается до очень высокого уровня, и может привести к защитным формам локализации, вызывая негативные последствия. И глобализация, и локализация имеют теневые стороны. Для локализации с негативными признаками типичны неравенство, нищета, угнетённость. Глобализация может характеризоваться экономической эксплуатацией, чрезмерным потреблением, отсутствием национальных корней. Очевидное взаимопроникновение глобального и локального получило название *глокализация* (от латинского *localis* – местный). Как части одной цивилизации, различные группы и культуры оказываются интенсивно взаимосвязанными благодаря международным контактам, современным технологиям, средствам массовой информации, поэтому им как никогда ранее необходим диалог. Справедливо замечание А.Н. Кочергина о том, что именно «диалог позволяет пре-

одолевать замкнутость и односторонность ... разных культур» [8, с. 9].

В то же время интериоризация позиций значимых Других и присутствие референтных групп может во многом определять поведение человека, делая его автоматизированным и предсказуемым. Если интериоризированная позиция культуры-хозяина начинает доминировать, прочие позиции могут подвергнуться ассимиляции, следовательно, инновационные возможности этих позиций будут утрачены. Сепаратизм и мультикультурализм (модель «плавильного котла») представляются нам противоположными полюсами, таящими в себе угрозу и исключаящими взаимопонимание. Видные теоретики в области социальных наук задумались о проблемах инноваций в области межкультурного диалога. Джордж Мид хорошо осознавал проблему механического взаимодействия, при котором интернализация позиции «значимого Другого» могла бы привести к простому копированию социальных ролей индивидами. Мид ввёл различие между «Я» и «me» (мне, меня), что позволило ему эксплицировать традиционные и инновационные аспекты самости. «Me» (мне, меня) представляет собой устойчивую часть структуры самости, придающую ей форму и конвенционально обусловленную воздействием общества. Другими словами, содержание «me» составляет обобщённый Другой, имеющий совокупность неких установок по отношению к действиям с другими людьми, а также обнаружение способов взаимодействия с неодушевлёнными предметами и окружающей природой. Дж. Мид при этом обозначает разные уровни выражения обобщённого Другого: человек и обще-

ство, имеющие самосознание и человеческое Я; отражение «стереотипов поведения конкретной этнокультурной общности (культурная или этническая идентичность)». Обобщённый Другой может выступать и в качестве носителя определённой субкультуры. Новый подход позволяет привести в действие инновационные возможности «Я», при этом сохраняя его обычную структуру [12, с. 217].

Идеи, касающиеся феномена Другого, выдвигает Г.Г. Гадамер. По его словам, «разговор с Другим, его согласие с нами, его возражения, его понимание и непонимание расширяют нашу индивидуальность», потому что это испытание возможной общности, «на которое подвигает нас разум» [5, с. 86]. Такой диалог делает возможным переход внутреннего во внешнее, т. е. внутренний диалог индивида, в котором он переживает свой собственный опыт, перетекает во внешний, диалог между индивидом и внешним миром. И тогда наступает понимание. Проблему языкового понимания затрагивает в своих трудах Л. Витгенштейн. Мыслитель моделирует ситуации, которые могли бы произойти в результате встречи антрополога с незнакомым кругом людей, и на этой основе выводит возможные механизмы успешной коммуникации [4]. Этот приём позволяет эксплицировать характерные основы согласия и взаимодействия отдельных индивидов и целых народов. Здесь может идти речь о переходе инверсионного диалога в медиационный. Первый нацелен на воспроизведение уже имеющихся в культуре ценностей и смыслов, а второй – на преодоление косности и поиск новых ориентиров. Вероятно, первая модель диалога вос-

ходит к автоматической практике “предписанного” сценария диалога, вторая же обнаруживает его инновационные возможности, она нацелена “на прорыв цикличности, устремление к новым ценностям и смыслам” [7, с. 61].

Вопрос, как инверсионный диалог, согласно концепции В.С. Библера [2] и А.С. Ахиезера [1], переходит в медиационный, является очень важным. На наш взгляд, ключ к решению этого вопроса содержится в феноменологии диалога М. Мерло-Понти, в частности, в разработанном им принципе обратимости. В основе представлений об “автоматическом” диалоге лежат понятие жеста и телесная схема. Мерло-Понти стремится выявить имманентную связь позиций “Я” и Другого, их обратимость, существующую уже во внутреннем диалоге. Сложившаяся в западноевропейской философии формула – “Я” и Другой – представляется Мерло-Понти несостоятельной, на самом деле, по его мнению, имеет место отношение взаимодополняющих друг друга ролей. Дистанцию между “Я” и Другим Мерло-Понти удаётся преодолеть, используя понятие “телесная схема”, которую можно представить как некий подвижный шарнир, натянутый между моим “Я” и “Я” Другого [11, с. 266]. Обратимый процесс диалогического обмена ценностями может быть нарушен автоматизированным процессом глобализации.

В.М. Межуев, главный научный сотрудник Института философии РАН, на XII Международных Лихачевских научных чтениях подчеркнул, что «демократия в сфере культуры – это прежде всего право человека на свободный выбор своей культурной

идентичности», который не нарушает свободы выбора других [10]. В отличие от мультикультурализма, проповедующего искусственную консервацию жизненного уклада культурных меньшинств, культурная демократия даёт каждому индивиду право на свободное культурное самоопределение. При этом реализация этого права не должна навязываться, руководствуясь принципами ложно понятой этнической солидарности или идеологическим принуждением со стороны государства, а основываться на личном предпочтении каждого индивида. При этом национальным меньшинствам необходимо обеспечить условия, позволяющие сохранять и развивать культурные особенности, язык, религию и т. д. И здесь необходима синтезирующая связь философии с другими науками, о чём пишет В.А. Песоцкий, делая акцент на том, что современная эпоха требует «интеграции и взаимодействия» «художественного и философского мировидения» [14, с. 66]. Нельзя заставить человека жить в той или иной культурной среде без его личного согласия. И сама культура в дальнейшем будет развиваться в направлении уже не столько национальных, сколько индивидуальных различий с учётом особенности, “самости” индивидов, питающихся культурными достижениями всех народов мира. Вполне справедливо выражение О. Розенштока-Хюсси, утверждавшего, что «диалог – вариация, посредством которой говорящий устремляет людей в “новое будущее”» [15, с. 53].

В результате исследования выявлено, что диалог культур является проблемой, исходящей из существа человека и раскрывающейся в комму-

никации Я – Другой, обосновано, что процесс глобализации, способствующий межкультурной интеграции, в то же время приводит к ослаблению традиционных культурных связей и смещению ценностных установок существующей культуры, к нивелирова-

нию национальных традиций; обосновано, что дополнительного изучения требует такой феномен, как неопределённость; намечены пути минимизации негативных тенденций, связанных с процессом глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. Философия катастрофического мира. К выходу в свет двухтомника В.С. Библера // Полития. 2003. № 3 (30). С. 190–201.
2. Библер В.С. Замыслы: в 2 кн. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2002. 1120 с.
3. Болдуин Дж.М. Исследование по социальной психологии: в 2 т. Т. 1. Личность. М.: Либроком, 2011. 521 с.
4. Витгенштейн Л. Несколько заметок о логической форме // Логос. 1995. № 6. С. 194–209.
5. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
6. Джемс У. Психология / под ред. А. Петровской. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
7. Кириллов Г.М. Перспектива медиационного диалога в пространстве массовой коммуникации информационного общества. Пенза: Типография Соколова А.Ю., 2016. 332 с.
8. Кочергин А.Н. Философия в условиях глобализации // Идеи и Идеалы. 2016. № 3 (29). Т. 1. С. 9–23.
9. Лэнг Р.Д. Расколотое “я”. СПб.: Белый кролик, 1995. 352 с.
10. Межуев В.М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире // Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур: избранные доклады (1995–2015), Санкт-Петербург, 17–18 мая 2015 г. / сост., науч. ред. А.С. Запесоцкий. СПб.: Санкт-Петербургский Гуманитарный университет Профсоюзов, 2015. С. 217–221.
11. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / пер. с фр. О.Н. Шпарага. Минск: Логвинов, 2006. 400 с.
12. Мид Дж.Г. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренкова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 213–221.
13. Милль Д.. О свободе / пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10–15; № 12. С. 21–26.
14. Песоцкий В.А. Философия и художественная литература: философия в структуре философского знания // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 1. С. 66–77.
15. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 2008. 270 с.
16. Спенсер Г. Личность и государство / пер. с англ. М.Н. Тимофеевой под ред. В.В. Битнера. СПб.: Вестник Знания, 1908. 84 с.
17. Davis BW. Conversing in Emptiness: Rethinking Cross-Cultural Dialogue with the Kyoto School // Philosophical Traditions. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 171–194.
18. Hermans H.J.M. The Dialogical Self: Toward a theory of Personal and Cultural Possitioniry // Culture and Psychology. 2001. Vol. 7 (3). P. 243–281.

19. Robertson R., White K.E. Globalization: Specialized applications and resistance to globalization. Taylor, Francis, 2003. 497 p.

REFERENCES

1. Akhiezer A.S. [The Philosophy of the Catastrophic World. To the Publication of Two Volumes of V.S. Bibler]. In: *Politiya*, 2003, no. 3 (30), pp. 190–201.
2. Bibler B.C. *Zamysly* [Plans]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2002. 1120 p.
3. Bolduin D.M. *Issledovanie po sotsial'noi psikhologii. T. 1. Lichnost'* [Research in Social Psychology. Vol. 1. Personality]. Moscow, *Librokom* Publ., 2011. 521 p.
4. Wittgenstein L. [Some Remarks on Logical Form]. In: *Logos*, 1995, no. 6, pp. 194–209.
5. Gadamer H.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Moscow, *Iskusstvo* Publ., 1991. 368 p.
6. James W. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, *Pedagogika* Publ., 1991. 368 p.
7. Kirillov G.M. *Perspektiva mediatsionnogo dialoga v prostranstve massovoi kommunikatsii i informatsionnogo obshchestva* [The Prospect of a Mediation Dialogue in the Space of Mass Communications and Information Society]. Penza, Printing House of Sokolov A.Yu Publ., 2016. 332 p.
8. Kochergin A.N. [Philosophy in the Context of Globalization]. In: *Idei i Idealy* [Ideas and Ideals], 2016, no. 3 (29), vol. 1, pp. 9–23.
9. Leng R.D. *Raskolotoe "ya"* [Shattered "I"]. St. Petersburg, *Belyi krolik* Publ., 1995. 352 p.
10. Mezhuiev V.M. [Dialogue as a Way of Intercultural Communication in the Modern World]. In: Zaposetsky A.S., ed. comp. *Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya. Globalizatsiya i dialog kul'tur: izbrannye doklady (1995–2015), Sankt-Peterburg, 17–18 maya 2015 g.* [The Likhachev International Scientific Readings. Globalization and Dialogue of Cultures. Selected Papers (1995–2015), St. Petersburg, May 17–18, 2015]. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions Publ., 2015, pp. 217–221.
11. Merleau-Ponty M. *Vidimoe i nevidimoe* [The Visible and the Invisible]. Minsk, Logvinov Publ., 2006. 400 p.
12. Mead G.H. *Ot zhesta k simvolu* [From Gesture to Symbol]. In: Dobrenkov V.I., ed. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought]. Moscow, International University of Business and Management Publ., 1996. pp. 213–221.
13. Mill D. [On Freedom]. In: *Nauka i zhizn'* [Science and Life], 1993, no. 11, pp. 10–15, no. 12, pp. 21–26.
14. Pesotsky V.A. [Philosophy and Fiction: Philosopheme in the Structure of Philosophical Knowledge]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 1, pp. 66–77.
15. Rosenstock-Huussy E. *Rech' i deistvitel'nost'* [Speech and Reality]. Moscow, *Labirint* Publ., 2008. 270 p.
16. Spencer H. *Lichnost' i gosudarstvo* [The Man versus the State]. St. Petersburg, Knowledge Herald Publ., 1908. 84 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кириллов Герман Михайлович – кандидат философских наук, доцент Пензенского государственного университета;
e-mail: gekir10@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

German M. Kirillov – PhD in Philosophy, associate professor, Penza State University;
e-mail: gekir10@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кириллов Г.М. Глобализация: механический процесс или межкультурный диалог // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 45-57
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-45-57

FOR CITATION

Kirillov G.M. Globalization: a Mechanical Process or Intercultural Dialogue. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 45-57
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-45-57